

Спицыну удалось узнать, что из числа лиц посещавших квартиру дворянина Евгения Попова, дворянин Лаврениус, с 14 февраля текущего 1881 года, проживает в г. Курск, в гостинице Монтрезор, откуда на время выехал; но что 10 марта он должен возвратиться из поездки. Поэтому сделано было распоряжение о наблюдении за возвращением Лаврениуса в гостиницу, и когда он 10 марта прибыл в гостиницу, то и поручик Спицын явился туда же для обыска Лаврениуса. При обыске найдены: 1) два номера газеты «Народная воля», от 5 декабря 1880 года; 2) две брошюры Драгоманова: «Словом башнями не кормят»; 3) одна книга «Слово в великий пяток», сказанное Тихоном Задонским; 4) один экземпляр «программы исполнительного комитета»; 5) запечатанное письмо с надписью на конверте «для передачи А. Ивановичу», и 6) четыре тысячи рублей денег. В виду отыскания при Лаврениусе бумаг и брошюр преступного содержания, он был заключен под стражу и привлечен к делу в качестве обвиняемого.

На другой день после арестования Лаврениуса, 11 марта, пришел в его номер гостиницы дворянин Михаил Тимофеев, и так как ранее были уже получены сведения, что Тимофеев идет из деревни к Лаврениусу, как товарищу по преступной пропаганде, то по приходе Тимофеева к номеру, который занимал Лаврениус в гостинице Монтрезор, он тогда же был задержан; при нем и в квартире, где он остановился в г. Курск, ничего предосудительного не было найдено. Но тогда же телеграммой было сообщено о производстве обыска по месту постоянного жительства Тимофеева, в Тимском уезде, в имении отца его. При этом обыске местной полицией найдены, в числе других бумаг, между делом Тимофеева, в запечатанном конверте, билет комитета общества народного освобождения и инструкция членам того же общества (№ 200). После чего дворянин Тимофеев привлечен к делу в качестве обвиняемого.

По привлечении дворянина Лаврениуса к настоящему делу в качестве обвиняемого, сделано было распоряжение о производстве обысков по жильству Лаврениуса в г. Варшаву до приезда его в г. Курск; при обысках в его квартире и в квартирах лиц, с которыми он вел знакомство и переписку, найдены между прочим: 1) две его записные книжки, из коих в одной имеются писанные его рукою стихи преступного содержания, под заглавием «У гроба», на смерть Меженцева, и в другой книжке помещено несколько адресов разных лиц, проживающих в Варшаве и других городах, и 2) три письма подозрительного содержания к Лаврениусу от мещанина Василия Майкова. Эти письма послужили основанием для привлечения Майкова в качестве обвиняемого по настоящему делу, а указание адресов в записной книжке проживающих в г. Варшаву лиц дало возможность привлечь всех их в качестве обвиняемых к производимому в Варшаву дознанию об обнаруженной социально-революционной пропаганде. С этими лицами Лаврениус находился в постоянных сношениях, а потому и он привлечен к Варшавскому дознанию. Затем найденное при обыске у Лаврениуса письмо с надписью «для передачи А. Ивановичу» оказалось написанным студентом Харьковского университета Николаем Лебедевым к проживающему в г. Курск крестьянину Алексею

Спицыну. По содержанию этого и других, писанных прежде Лебедевым, писем к Спицыну и в виду найденных при обыске у Лебедева, между прочим, одного подложного паспорта и подозрительного по содержанию письма к нему гимназиста Таганрогской гимназии Клевезала, Лебедев и Спицын тоже привлечены в качестве обвиняемых по сему делу. Также привлечен обвиняемым дворянин Попов вследствие собственных его заявлений и показаний о близких отношениях его к лицам социально-революционной партии, и в виду показаний некоторых свидетелей о сходках в его квартире обвиняемых. И еще привлечен обвиняемым по делу крестьянин Александр Колупаев, вследствие указаний жены отставного офицера Елены Кусогло, что Колупаев, как сдлавший что-то особенное, однажды восторженно был принят обвиняемыми в квартире Попова, также вследствие указаний обвиняемого Попова на Колупаева, как члена социально-революционной партии, и затем еще вследствие отыскания при обыске у Колупаева одной книги без первого листа революционного содержания.

При дознании обвиняемые, не признавая себя виновными по делу относительно найденных у них предметов, равно и обнаруженных дознанием обстоятельств, послуживших основанием к привлечению их к делу в качестве обвиняемых и указывающих на виновность их по делу, объяснили:

1) Дворянин Лаврениус при обыске 10 марта, что найденные у него предметы преступного содержания получены им в вагон железной дороги от неизвестного ему лица, бывавшего с поездом, выходящим из Харькова в 10 часов вечера. Человек этот на одной из станций, не знает какой именно, вышел в то время, когда он, Лаврениус, спал. Затем при допросе 12 марта Лаврениус объяснил, что, возвращаясь из Харькова 9 марта с товаро-пассажирским поездом, выходящим в 11 часов вечера, он разговорился с неизвестным ему человеком, бывавшим в одном с ним вагоне. При разговоре о последних событиях, т. е. о событии 1 марта, неизвестный ему попутчик сился доказать большое значение для России этого события, при чем высказывал надежду, что в недалеком будущем можно ожидать обнародования конституции. Когда же он, Лаврениус, усомнился в правильности этого предположения, на том основании, что само русское общество еще ничем не высказало свою подготовленность, то неизвестный попутчик указал на целый ряд статей в различных повременных изданиях, появившихся в последнее время, объясняя их как выражение народившихся уже потребностей в русском обществе. Далее неизвестный попутчик высказал, что если даже не принимать во внимание все русское общество, то уже существующая революционная партия на столько сильна, что, ограничиваясь своими силами, она раздавит деспотизм и добьется политической свободы.

После всего вышесказанного попутчик начал упрекать его, Лаврениуса, в том что он мало интересуется делами, волнующими всякого русского гражданина, и советовал ему ознакомиться с движением и с целями его; когда же на это он, Лаврениус, ответил, что подобного рода ознакомление сопровождается большими трудностями, недоступными для частного лица, то попутчик возразил ему, что для этого существует орган революционной партии, чтобы

знакомить публику с движением и его задачами. На вопрос же Лаврениуса: где достать этот орган, — неизвестный попутчик вызвался оказать ему эту услугу и при этом передал ему сверток, предупредив, что в нем он, Лаврениус, найдет последний номер газеты «Земля и Воля» и еще кое-что, что поможет ознакомиться с движением и его задачами и целями. Понимая значение упомянутых вещей в деле уяснения политического движения, он, Лаврениус, и не отказался взять их, так как всегда желал сознательно относиться к общественной жизни, тем более, что из газет, журналов и официальных донесений составить верного понятия о движении нельзя, так как эти последние ограничиваются только внешним его проявлением, а внутренние причины и идеи, их руководящие, остаются неизвестными.

Таким образом только желание ознакомиться с крайне важным явлением современной русской жизни было причиной, почему он, Лаврениус, не отказался взять упомянутые издания. Продолжая с попутчиком разговор, он, Лаврениус, сказал между прочим, что он идет в Курск, где пробудет несколько дней и остановится в гостинице Монтрезор. Пользуясь этим случаем, попутчик передал ему, Лаврениусу, письмо, прося оказать услугу передать письмо некоему Ивановичу, которому он, попутчик, сообщить его, Лаврениуса, адрес, для того, чтобы этот Иванович явился к нему за получением. Спросивши, нет ли в письме чего предосудительного и получив отрицательный ответ, он, Лаврениус, и взял письмо, не видя в том ничего предосудительного. Если он, Лаврениус, и решился взять письмо для передачи Ивановичу, которого он совершенно не знает, то только из чувства деликатности, не позволившего ему отказаться от такой услуги, какую он мог оказать человеку, который был так искренен и откровенен с ним. В Курск и в г. Щиграх он, Лаврениус, начиная с весны 1878 года, был несколько раз для разных хлопот по своему имению. Кроме Раздольскаго и Иванова он не имеет никого знакомых в Курск. На допросе 23 марта Лаврениус показал, что с дворянином Михаилом Тимофеевым мало знаком. С Майковым он знаком ни далеко, ни коротко; считал его человеком слишком молодым и неподходящим вполне к возрасту его, Лаврениуса. В бытность Майкова в 1878 году в г. Варшаву, Майков жил некоторое время у него на квартире и вел переписку о высылке полицейского свидетельства, необходимого ему для поступления в Ветеринарный Институт. Но теперь не помнить, нужно ли было Майкову свидетельство от Варшавской полиции и имел ли с ним об этом разговору. Так же не помнить, был ли он, Лаврениус, в переписке с Майковым, после отъезда его из Варшавы, — но всего вероятно, что нет. С Майковым, после отъезда его из Варшавы, виделся в Курск, в февраль этого года, на улице и несколько раз в своем номере гостиницы. В квартире Евгения Попова был два раза в последних числах того же февраля. Через кого он пошел на вечер к Попову, отвечать не желает. Попову он был представлен под своею фамилиею Лаврениус. Был ли тогда в квартире Попова Майков, — он не заметил. В первый раз Попов просил каждого из присутствующих дать ему совет, как поступить с обокравшей его любовницей. Во второй раз он зашел навес-